

«ЧЕЛОВЕК СТРАДАЮЩИЙ»

Актуальность взаимосвязи феномена страдания и психологии безопасности обусловлена тем, что когда человек переживает постигшую его утрату, особую важность приобретает не способность человека чувствовать страдание (т.е. речь идет не о способности переживать в традиционном психологическом смысле термина), а совсем о другом – о том, как ему удастся преодолеть страдание, выйти из кризиса и вновь обрести душевное равновесие, психологически справиться с ситуацией. Когда человек переживает, это состояние выступает как существенный фактор психологического пространства личности. Глубинные переживания наносят ущерб психологической безопасности, а страдания – это форма глубинных переживаний.

Закономерности переживания носят внеисторический, формально-психологический характер. Знание такого рода закономерностей позволяет описывать и объяснять ход течения процессов переживания, но их совершенно недостаточно для понимания определенного содержания переживания конкретного человека, живущего в определенную историческую эпоху и в определенной культурной среде.

Культурно-историческая детерминация переживания включает феномен страдания и имеет культурно-исторические формы в зависимости от социально-исторических форм бытия. Поэтому анализ переживания в контексте психологии безопасности должен быть дополнен культурно-историческим анализом, направленным на выявление его конкретно-исторических, содержательных закономерностей.

Определенная содержательная направленность процесса переживания отнюдь не является естественно присущей человеческой психике вообще. Первобытному человеку, например, не мог прийти в голову вопрос, лежит ли

на нем лично ответственность за неудачу на охоте или нет. Вина возлагается на колдовство, дурное влияние, от которых он защищается магическими процедурами, переживая тем самым эту ситуацию совершенно иначе, чем ее пережил бы современный европеец. При этом переживание выступает как процесс, опосредованный «психологическими орудиями», представляющими собой искусственные, социальные по своей природе образования, осваиваемые и интериоризируемые субъектом в ходе коммуникативного взаимодействия с другими людьми.

Закономерности исторического процесса неизбежно приводят к «разрывам» в истории, к отчуждению во взаимоотношениях различных культурных традиций. На протяжении своей истории человечество не раз переживало такие этапы. Один из первых культурно-исторических разрывов связан с падением общинного строя, который, как пуповина, связывал мир природы и мир человека. Человек в нем обладал бытием и потому находился вне истории (в его социальном пространстве прошлое, настоящее и будущее были равноправны, составляли одно целое). Этот строй был сцементирован мифом. Именно мифологическое сознание, с его некритичностью и синкретичностью, обладало той детской «интеллектуальной невинностью», которая позволяла первобытному человеку принимать и окружающую природу, и общественное устройство, и самого себя.

Лишённое рефлексивности, не знающее само себя мифологическое сознание предельно доверчиво, пластично и легко принимает формы, соответствующие ситуациям, в которых оказывается человек. Индивидуальное сознание в первобытной общине практически совпадает с сознанием коллективным, так как у всех индивидов есть одна общая судьба, тождественный опыт духовной и материальной жизни. Гибель общинного строя, а вместе с ним и мифологического сознания обычно связывается с возникновением общественного разделения труда, появлением частной собственности и эксплуатации, с вытекающим из этого расслоением общества на классы, обусловившим, в свою очередь, становление таких мощных

социальных «генераторов страдания», как неравенство, несправедливость во всех её бесчисленных проявлениях, отчуждение и превращение человеком человека в средство для достижения своекорыстных целей.

Параллельно с социальными метаморфозами происходит трансформация общественного сознания: мифы перемешиваются и постоянно сталкиваются между собой, разрушая друг друга, индивид дезориентирован, над ним довлеет груз ответственности за выбор того или иного мифа, той или иной мировоззренческой позиции. Тут же выясняется еще одно важное обстоятельство: за хлопотами о возможном сиюминутном и обыденном куда-то пропадает настоящая, полноценная жизнь. Человек вдруг осознаёт себя страдающим существом и задаётся вопросом: что это за жизнь и зачем она, если в ней страданий намного больше, чем радостей?

Ответ на вопрос, почему страдание становится определяющим фактором взаимоотношений человека с миром, ищут религиозное сознание и сознание психологическое, исследующее пути предотвращения угроз психологической безопасности.

Страдание порождает чувство неполноценности, ущербности бытия в целом. В нём обнаруживаются такие существенные признаки, как рефлексивность (я знаю, что страдаю); несогласие со своим страдательным состоянием (протест); ощущение чрезмерности, избыточности муки, неуверенность в возможности избавления от неё; ощущение ненормальности, несправедливости такого состояния и устремлённость к иному, бесстрадательному бытию.

Переживание отсутствия должного (желаемого) бытия есть тот исходный пункт, откуда берут начало идея «ничто» (небытия) и идея трансцендентного мира. Это «точка роста» рефлексивного мышления и нового, постмифологического, религиозного чувствования, точка обретения человеком новой социальной сущности и начала новой эры. Переживание страдания открывает человеку идею неподлинности, иллюзорности содержания происходящих в его мире событий. При этом личность не

разделяет внутреннее состояние и его внешнюю форму, символизирующую этот состояние. «...Даже взрослые не отделяют внутреннее состояние других людей от того, что служит его внешним выражением. Они представляют себе это состояние целостно, и их мысль отличается от мысли ребенка, главным образом, сравнительным богатством и сложностью элементов, которые участвуют в истолковании зримого и слышимого знака»¹.

Состояние страдания создаёт предпосылку для обесценивания настоящего времени (длящегося момента) и вынесения за его пределы (в прошлое или будущее) главных ценностей бытия. Наличное, неблагополучное мгновение бытия переживается как несамодостаточное, и субъект «достраивает» своё субъективное переживание времени до целостности с помощью иллюзии, разрывающей время бытия на враждебное, несущее в себе страдание «теперь», которое необходимо претерпеть, по возможности сократив, и выглядящее гораздо более благосклонным к нам, а потому нуждающееся в продлении «раньше» и «потом». Таким образом, создаются предпосылки для «бегства» из враждебного настоящего в грёзы воспоминаний и в соблазнительные (фантастические) проекты будущего.

В иллюзорном сознании отравленное страданием «теперь» переживается как небытие, которому присуща укоренённая в желании устремлённость к отсутствующему бытию — сверхподлинному и сверхценному. Тем самым иллюзия как идея возможного бытия, превосходящего качеством бытие наличное, становится фактором формирования «горизонтов» экзистенциального пространства человека, в котором эти горизонты выступают в роли дополнительных, внутренних источников страдания личности.

В результате формируется новый тип человека — «человек страдающий». Это человек, ощущающий себя вытолкнутым из мира и инородным ему. Он одинок и нуждается в опоре, потому что в нём обнаруживается нечто, не

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. Пер. с англ. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — С. 146.

являющееся ни частью мирового целого (космоса), ни частью природы, ни частью общества, ни даже частью его самого – некое «зияние», антибытие, которое и становится системообразующим началом внутреннего мира человека. Корни этого мира – страдание и скорбь, ствол – устремлённость за собственные пределы, крона – постигающий страдание разум.

Разрушив иллюзии, подпирающие горизонты его вселенной, разум обретает видение новых вещей, чуждых человеку и часто ещё более непостижимых и враждебных, нежели вещи повергнутого интеллектом мира. Взамен утраченному «раю неведения» страдание «от мудрости» открывает человеку возможность небывалой ранее духовной свободы – свободы служения внутренней, творимой самой личностью субъективной необходимости (Богу, идеалу или категорическому императиву), а не необходимости внешней, объективной (власти кесаря, власти традиций или власти природных инстинктов). В этой связи нельзя не согласиться с известным тезисом христианской философии о том, что дав человеку страдание, Бог тем самым подарил ему весь мир. Именно способность страдать открывает человеку возможность, подобно Богу, свободно, на свой страх и риск, творить себя самого и собственную вселенную – «новое небо и новую землю», новые иллюзии и новую действительность, нового Бога и нового человека.

В масштабах отдельного индивида проблема страдания осмысливается как задача формирования личной жизненной позиции, как задача обретения смысла своего бытия. В масштабах общества – это проблема строительства социальных институтов (религии, морали, права), контролирующих и обуздывающих разными способами и с разной степенью эффективности социальное зло.

Источник страдания связан с социальным феноменом, который можно было бы назвать иррациональным эффектом целеполагающей деятельности. Суть данного феномена в том, что всякое осознанное целеполагающее социальное действие неизбежно несёт с собой неучтённые, непредвиденные

отрицательные последствия, большей частью превосходящие положительный эффект, достигаемый этим действием. Происходит то, что классики марксизма называли отчуждением сущностных сил человека – обращением плодов деятельности против своего создателя. Например, принятие сухого закона, имевшее целью снижение уровня потребления алкоголя, оборачивается расцветом подпольного бизнеса и организованной преступности; освоение новых источников энергии сопровождается увеличением риска экологических катастроф; уникальные успехи, достигнутые в различных областях медицины, странным образом несут с собой ухудшение общего состояния здоровья человечества и его генофонда и т.д. Именно благодаря действию иррационального эффекта история превращается, по остроумному замечанию П. Бергера, в «хронику нежелательных последствий».

Сущность всякой рациональной деятельности заключается в изобретении и осуществлении неестественных (то есть не существующих в естественном, без-человеческом мире) целей и способов их достижения. И это величайшее преимущество человека перед всеми остальными природными существами в извечной борьбе за выживание оборачивается для него величайшим дефектом: рациональные действия влекут за собой неестественные, а значит, непредсказуемые, иррациональные, последствия. Накопление критической массы таких отрицательных (противоестественных!) последствий разумной деятельности приводит к разрушению «естественного», гармоничного бытия и к началу истории как «хождения человечества по мукам». Получается в точности по Моисею: вкусивший плодов с древа познания, вместо того, чтобы «стать как Бог», изгоняется из рая и обрекается на страдания.

Преодоления страдания в контексте психологической безопасности личности развивается в трех направлениях: преодоление в мысли, преодоление в чувстве, преодоление в социальном действии. Преодоление страдания в мышлении предполагает, прежде всего, нахождение ответа на вопрос о происхождении (причинах) страдания, затем конструирование представления о подлинном, благополучном бытии, и, наконец, рациональное

исследование способов и путей достижения подлинного бытия.

Преодоление страдания в чувстве включает в себя спектр психоделических технологий (от привычной ежедневной молитвы до технологий саморегуляции, позволяющих осуществлять настройку и самонастройку психики индивида на заранее прогнозируемое психическое метапереживание.

Преодоление страдания в социальном пространстве означает институализацию религии как организации людей, имеющих общие представления о происхождении и способах преодоления страдания, общую культовую практику, а также общие нормы поведения в рамках религиозной общности и за её пределами. Третья сторона оказывается как бы результирующей по отношению к первым двум: только на уровне коммуникации, общения человека с человеком идея подлинного бытия начинает приобретать признаки подлинного бытия (овладевает массами и становится материальной силой, как сказал бы В.И. Ленин). Коллективное ритуальное действие в системе преодоления страдания на фоне культурно-исторического разрыва во много крат эффективнее индивидуального. Религиозная община становится тем ковчегом будущего совершенного бытия, где уже преодолены многие стигматы страдания: отчаяние и одиночество уступили место надежде и братской взаимоподдержке, злоба – любви.

Преодоление страдания на фоне разлома эпох реализуется в полной мере лишь внутри определенной социальной целостности, общности, объединённой общими ценностями, идеалами, общим строем чувств и общими нормами социальных действий.

Исследование любого исторически сложившегося механизма преодоления страдания как фактора психологической безопасности предполагает, во-первых, анализ мировоззренческой конструкции, встраивающей страдание в схему мироздания и мировосприятия, во-вторых, выяснение специфических особенностей культовой практики как средства «переплавки» отрицательных эмоций в положительные, в-третьих, исследование исторических последствий институализации данного механизма в социальной реальности, в-четвертых,

определение путей и условий переживания страдания без разрушительных для психики индивида последствий.